

2

Владимир СОЛОВЬЕВ

Тайна стиха

Почти одновременно поэты-современники — Пушкин и Грибоедов — создали два произведения, не превзойденных по своей стихотворной форме: первый — роман в стихах «Евгений Онегин», второй — комедию в стихах «Горе от ума». В обоих, столь разных по существу, произведениях господствует один, необычайно роднящий их, принцип. Как Пушкин придал своему «роману в стихах» свободную и естественную повествовательную интонацию, так и Грибоедов в своей комедии создал разговорный стих, легко и непринужденно передающий все оттенки разговорной речи.

Комедия Грибоедова «Горе от ума» переведена на иностранные языки, но ее постановки за границей были немногочисленны.

Этому можно найти свое объяснение. Чем совершенней стихотворная форма произведения, тем больше несут она в себе народных, национальных черт и тем трудней ее перевод. Стихотворная форма грибоедовской комедии так точна, что при переводе на другой язык пьеса многое утрачивает.

Герои комедий Кальдерона и Лопе де Вега, легко перебегающие с одной европейской сцены на другую, больше развлекали своего зрителя, нежели заставляли его задумываться. Все пять актов пьесы Грибоедова представляют, грубо говоря, спор между Чацким и Фамусовым, и зритель должен подумывать и разбираться во всем богатстве мыслей и столкновений, какие с изумительной щедростью предложил автор комедии вниманию своих современников и потомков.

Превосходный лаконизм грибоедовского стиха — не вызван ли он стремлением автора высказать в предельно малый срок множество наполняющих его мыслей?

И вот по тексту пьесы щедрая рука рассыпает короткие, как удары хлыста, строки, которым суждено на столетия стать пословицами.

Все его афоризмы — «Дома новы, но предрассудки стары!», «Чины людьми даются, а люди могут обмануться», «Я глупостей не чтец, а пуще образцовых», «Блажен, кто верует, тепло ему на свете» — твердо вошли в русскую бытовую речь благодаря своей отточенной форме и глубокому содержанию, которые свидетельствуют о подлинно народном характере грибоедовской комедии.

Как же удалось Грибоедову, пользуясь такой условной формой, как стих, сохранить в ней реалистическое разнообразие интонаций, избежать известной монотонности, свойственной стихотворной драме? Как смог он, взяв от стихотворной формы все, что в ней есть лучшего, — музыкальность и лаконизм, успешно избежать условности и однообразия?

Наиболее принятым на русской сцене стихотворным размером надо считать ямб. Этот размер удобен и для диалога, и для монолога. В эпоху Грибоедова и после него на нашей сцене главенствовал строгий пятистопный ямб. Этим размером у нас всегда переводили Шекспира, Шиллера и других западно-европейских поэтов-драматургов. Таким же размером писали оригинальные произведения для сцены и А. С. Пушкин, и более поздние драматурги А. К. Толстой, А. Н. Островский (стихотворные драмы), и другие.

От этого принципа отошел Грибоедов в своей комедии «Горе от ума». Он написал свою комедию так называемым свободным ямбом, чередуя шестистопные строки с пятистопными, четырехстопными и даже с одностопными строками. Чередование этих разностопных строк не было подчинено строгой системе, оно было произвольным, так как автор хотел добиться в каждом случае наиболее выигрышных интонаций. Вот пример:

Чацкий

Взманили почти и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:

Умеренность и аккуратность.

Это «Два-с», являющееся целой строкой, не только подсказывает точную интонацию актеру, но и помогает ему раскрыть образ Молчалина.

Второй пример еще более разительный:

Платон Михайлович

Бал вещь хорошая, неволя-то горька; И кто жениться нас неволит? Ведь сказано-ж иному на роду...

Лакей (с крыльца)

В карете барыня-с и гноваться изволит.

Платон Михайлович (со вздохом)

Иду, иду!

Двухстопная строка «Иду, иду!» будто подсказывает вздох, настроение, типичную интонацию, прекрасно раскрывающую образ.

Совершенно естественно, что при такой форме стиха никакой монотонности не может быть. Наоборот, амплитуда колебаний стиховой строки от шести стоп до одной стопы ямба настолько сама по себе велика, что в ней свободно умещается любая интонация, как бы закреплённая наглухо самым ритмом стиха.

Так стихотворная форма, созданная Грибоедовым, позволяет ему быть не только драматургом, но и режиссером будущего спектакля, ибо «Иду, иду» нельзя произнести иначе, чем этого требует автор.

А. С. Грибоедов, бесспорно впервые в русской литературе, создал подлинно театральную реалистическую стихотворную речь.

Его новаторские поиски в этой области сохранили целиком свое значение и для нашего времени.

Ведь пятистопный ямб, ни в коем случае (упаси, боже!) не нарушаемый, является до сих пор преобладающей формой нашей стихотворной драматургии.

Поэт-драматург, которому есть что сказать, может смело пользоваться образцом величайшего поэта-драматурга прошлого столетия. В арсенале поэтической речи Грибоедова есть все, что нужно театру: богатство интонаций, яркость, острота и та народность, которую не заменишь ложным пафосом и монотонным «соблюдением» размеров, более строгих, но менее живых.

Правда, быть учеником Грибоедова трудно, ибо надо начинать не с овладения его стихотворной формой, но с тех глубоких проникновенных наблюдений, которые рожают большие мысли об эпохе, ее устремлениях, присущие автору «Горе от ума».

Для выражения этих мыслей была выкована им его блистательная стихотворная форма.